

## РАБОЧИЕ ЗАПИСИ В.М. ШУКШИНА: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ СТАТУС ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Автор обращается к анализу жанровых факторов рабочих записей известного русского писателя В.М. Шукшина. Уделяется внимание вопросам происхождения рабочих записей, некоторым текстологическим особенностям, жанровому разнообразию. Основная часть статьи посвящена анализу прагматического статуса высказывания рабочих записей В.М. Шукшина. Автор приходит к выводу о том, что рабочие записи разнятся по целому ряду жанровых факторов (статус субъекта высказывания, статус высказывания, статус адресации, связь с разными иллокутивными актами и т.д.). Ни жанрового единства, ни единого текста рабочие записи В.М. Шукшина не образуют.

**Ключевые слова:** русская литература XX в.; В.М. Шукшин; нехудожественные жанры; рабочие записи.

Рабочие записи В.М. Шукшина относятся к той части творческого наследия писателя, которая изучена меньше всего. До сих пор нет полного свода шукшинских рабочих записей, практически отсутствуют посвященные им исследовательские работы. Единственной научной работой о специфике рабочих записей Шукшина остается статья рижского литературоведа П.С. Глушакова в 3-м томе энциклопедического словаря-справочника «Творчество В.М. Шукшина» [1. С. 352–355], позже перепечатанная в научно-популярной «Шукшинской энциклопедии» [2. С. 306–310]. Этот же материал вошел и в книгу Глушакова, посвященную анализу творчества В.М. Шукшина и Н.М. Рубцова [3]. Обратим внимание также и на краткую заметку-комментарий Л.А. Аннинского и Л.Н. Федосеевой-Шукшиной к рабочим записям писателя в сборнике «Вопросы самому себе» [4. С. 254], а также на развернутый комментарий к рабочим записям в 8-м томе юбилейного собрания сочинений Шукшина, автором которого (и редактором-составителем тома) является автор данной статьи [5. С. 480–484]. Указанные работы дают лишь самое общее представление о тематике и содержании рабочих записей писателя с Алтая, элементах их поэтики, возможных вариантах интерпретации. Однако современный уровень развития шукшиноведения требует более глубокой разработки вопроса происхождения и текстологии рабочих записей, их жанрового своеобразия, особенностей языка и поэтики, исследования следов влияния на литературное творчество Шукшина и т.п., что, по существу, требует проведения комплексного филологического анализа текстов рабочих записей. Обратимся в нашей статье к одной из первых проблем, с которой сталкивается исследователь шукшинских записей, – вопросу о прагматическом статусе высказывания, который может быть рассмотрен как первый шаг на пути определения жанровой сущности рабочих записей.

Ставшей уже привычной жанровой номинацией – «рабочие записи» – заметки Шукшина обязаны Л.А. Аннинскому и Л.Н. Федосеевой-Шукшиной, поместившим под общим заголовком «Из рабочих записей» в сборнике «Нравственность есть Правда» 46 заметок В.М. Шукшина [6. С. 285–294]. Публикация увеличенного почти вдвое (79) числа рабочих записей в сборнике «Вопросы самому себе» сопровождалась заметкой-комментарием все тех же Аннинского и Федосеевой-Шукшиной. Важнейшие жанровые особенности шукшинских записей здесь выражены в следующих

положениях: «Рабочие записи делались В.М. Шукшиным на полях или отдельных страницах общих тетрадей, в которых он писал черновые варианты текстов. <...> При чтении надо учитывать, что записи не предназначались автором для печати, они должны восприниматься с соответствующей поправкой на “жанр”<sup>1</sup> и настроение “момента”. Ни в качестве точного отражения реальности, ни даже в качестве продуманных до конца формул собственного шукшинского отношения к вещам эти записи принять нельзя, и критически мыслящий читатель найдет, что возразить, читая некоторые из них. <...> Однако чрезвычайно субъективные, нередко спорные по существу рабочие записи В.М. Шукшина интересны как дополнительные штрихи к портрету – к портрету человека крупного характера, сильных страстей, резких решений и беспредельной беззащитной искренности» [4. С. 254]. Вполне очевидно, что сами комментаторы не воспринимали «рабочие записи» в качестве одного из художественных жанров словесного творчества Шукшина, а видели в них лишь дополнительный источник информации для реконструкции образа писателя.

Иную позицию в оценке жанровой природы рабочих записей Шукшина занял П.С. Глушаков. По его определению, рабочие записи – «близкие к афористической законченности заметки автодиалогического характера, не предназначавшиеся к публикации, явились формой *литературной* (выделено мной. – Д.М.) реализации философских размышлений Шукшина» [1. С. 352]. Далее П.С. Глушаков утверждает, что «рабочие записи представляют собой не только особую целостность с жанровой (речепрагматической, функциональной) точки зрения, но и некоторый *регулярно организованный текст* (выделено мной. – Д.М.), обладающий как тематическим (идейным), так и поэтическим единством, собственной архитектурной поэтикой, строгими элементами и принципами текстообразования (текстовыражения)» [1. С. 352]. Относительно принципов текстообразования сразу же заметим: 1) в качестве таковых П.С. Глушаков называет лишь один – «антонимическая семантика», что для «текста», подобного шукшинским рабочим записям – состоящего из изолированных компонентов, причем хронологически и генетически разнородных, да к тому же и структурируемого в разных изданиях по-разному, – явно маловато; 2) антонимическая семантика понимается рижским исследователем чрезвычайно широко: так, действие ее предлагается увидеть в заметке «Когда я на одном ме-

сте, я себя чувствую, как блоха на зеркале», что, однако, спорно; 3) действие принципа антонимической семантики самим Глушаковым признается не универсальным, а лишь для ряда записей; 4) прием антитезы не уникален для рабочих записей, он также характерен для публицистики и эпистолярия Шукшина [8. С. 37, 114]. Итак, данный параметр никак не может быть признан удовлетворительным в качестве основного критерия для констатации жанровой и, тем более, текстовой сущности рабочих записей.

Нельзя также утверждать ни о тематическом единстве рабочих записей, ни об их целостности с речепрагматической точки зрения. Эти тезисы П.С. Глушкова *отчасти* верны только при условии, что перед нами тот вариант совокупности записей, который был опубликован в сборнике «Вопросы самому себе» [4. С. 246–254], а потом лишь воспроизводился в целом ряде изданий (см., например, [9. С. 462–469] и др.). Однако опубликованные на данный момент варианты рабочих записей пока не во всей полноте отражают корпус заметок Шукшина, кроме того, в разных изданиях подход к их отбору и структурированию редакторами-составителями явно осуществлялся по субъективным соображениям. При этом, напомним, что сам Шукшин ничуть не заботился о каком-либо структурировании своих записей. Для правильного понимания жанровой сущности рабочих записей, нюансов работы Шукшина над ними, а также психологической и социальной атмосферы, в которых создавались рабочие записи, необходимо непосредственное обращение исследователя к рукописным источникам, что, однако, затрудняется закрытостью личного архива писателя.

Если обратиться к имеющимся в распоряжении филологов рукописям Шукшина, содержащим заметки писателя, то легко убедиться, что рабочие записи разнородны и хронологически, и жанрово. «Рабочие записи» В.М. Шукшина включают в себя заметки творческого и нетворческого характера, сугубо бытовые (например, рецепт «народного средства», очевидно, от язвы, арифметические подсчеты и т.п.) записи, дневниковые записи и даже стихотворения. Записи, как правило, делались писателем в рабочих тетрадях, рядом с черновыми набросками литературных произведений, велись нерегулярно, в подавляющем большинстве случаев без фиксации даты и места. Эти заметки различны по объему, обычно не имеют четкой и единой пространственной организации, нелинейны: часто написаны в диагональной плоскости листа (иногда направление письма у двух записей на одной странице противоположно), могут располагаться на полях страниц, на обложке тетради, в ряде случаев сопровождаются рисунками автора. Специальной тетради для записи подобных заметок Шукшин не вел. Ясно, что это результат внезапного рождения удачной мысли, образа, которые нуждались в срочной фиксации на бумаге, при этом использовалось то, что в данный момент находилось под рукой. Вполне возможно, что значительная часть таких записей, оставленных когда-то писателем на отдельных случайных листках, была утеряна безвозвратно. Рассмотрим в качестве примера лишь одну рабочую тетрадь (амбарную книгу) Шукшина с черновиком 2-й части 1-й книги романа «Любавины». Она была

передана в 2008 г. в ВММЗ В.М. Шукшина (с. Сростки) Л.Н. Федосеевой-Шукшиной на временное хранение (не имеет музейного шифра). Большая часть рабочих записей из данной тетради была опубликована в 8-м томе Собрания сочинений В.М. Шукшина [5].

Особый интерес здесь вызывают записи дневникового характера, ведь известно, что Шукшин систематически не вел дневник<sup>2</sup>. В тетради встречаются сразу три записи дневникового характера. Их главное отличие от записей другой жанровой природы – наличие датировки, а также явное стремление автора привязать ту или иную мысль, пережитое событие к определенной временной точке:

«(10 августа 1961)

Сон видел:

Кто-то, не помню уже кто, (мы будто бы собираемся куда-то) говорит:

– А Володю Китайского<sup>3</sup> позовем?

Я смотрю с изумлением на говорящего.

– Володю?

– Да.

– Так Володя же... – Мне трудно произнести, что Володи же нет в живых (Володя повесился).

На меня смотрят и улыбаются значительно.

– Жив Володя, только... Он не хочет об'являться. Он далеко. Но он жив».

Еще одна запись: «В ночь с 15 на 16 августа 1961 г. сон о Наташе и о маме. Опять сон о родных» была опубликована в 8-м томе Собрания сочинений Шукшина [5. С. 288].

К этой группе может быть отнесена и следующая заметка Шукшина, сделанная в этой же тетради, на одной странице с записью от 10 августа. Датировка у нее отсутствует, но, тем не менее, дата может быть легко определена. Временная привязка (нарекание «сейчас») явно говорит о синхронном характере заметки: «Сейчас Титов летает черт его знает где! А в народе говорят: “Как же теперь Гагарин?...” Титов мой земляк, оказывается» [5. С. 288]. Полет в космос Г.С. Титова, как известно, состоялся 6–7 августа 1961 г. Таким образом, собрав воедино записи, можно утверждать, что перед нами, по сути, дневник писателя за период с 6 по 16 августа 1961 г. Соответственно и другие записи, соседствующие с приведенными выше, могут быть рассмотрены как часть дневника. Некоторые из них содержат лексемы со значением темпоральности: «Днем в тополях смеялась какая-то птица», – запись, расположенная над заметкой о полете Г.С. Титова.

В этой же тетради встречается и запись, отражающая работу Шукшина над стихотворением, озаглавленным «О ремесле»:

*Музы!.. Делайте, что хотите.*

*Душу надо? Могу продать.*

*Славу встречу!*

*Научите*

*Словом, как дротиком, попадать.*

Данное стихотворение впервые было опубликовано в 8-м томе юбилейного собрания сочинений писателя и помещено в раздел «Стихотворения В.М. Шукшина» [5. С. 326]. Однако оно имеет много общего и с рабочими записями «в прозе»: *тема* (творческий процесс, которому посвящен целый ряд рабочих записей), *не-*

большой объем, лаконизм выражения авторской мысли, отсутствие реального адресата (в отличие, например, от стихотворений-стилизаций под народные песни, которые Шукшин использовал в рассказе «И разыгрались же кони в поле» и романе «Я пришел дать вам волю»), контекстуальное окружение (запись соседствует с другими заметками). Это, по сути, та же рабочая запись Шукшина, но облеченная в стихотворную форму. Заметим, что поэтическая форма рабочей записи у Шукшина – не новость. Структурная организация данной стихотворной записи близка к оформлению другой рабочей записи, давно знакомой исследователям и неоднократно опубликованной в сборниках:

*И что же – смерть?*

*А листья зеленые.*

*(И чернила зеленые.)* [5. С. 280].

Парная рифма в двух последних строках позволяет нам говорить о поэтической форме и этой рабочей записи Шукшина.

Вероятно, что к записям творческого характера относится и рабочая заметка, следующая в тетради сразу за стихотворением: «Танка – штука сильная. Но бояться танку не надо. Как увидел танку, прыгай на нее и затыкай ей дыру фуфайкой. И тогда танка становится слепая» [5. С. 288]. Запись очень похожа на услышанное где-то Шукшиным высказывание «сельского жителя», которое вполне могло быть зафиксировано писателем с целью использования в дальнейшем в одном из литературных произведений. Хотя возможно, что это лишь стилизация, авторское подражание, мимесис речи малограмотного человека.

Кроме того, в число рабочих записей В.М. Шукшина при их публикации иногда включается и *устное высказывание* писателя в ходе застольной беседы на встрече с М.А. Шолоховым в станице Вешенская 10 июня 1974 г.: «Мы с вами распустили нацию. Теперь предстоит тяжелый труд – собрать ее заново. Собрать нацию гораздо сложнее, чем распустить» [11. С. 492]. Подобное неоправданное расширение корпуса рабочих записей Шукшина следует признать недопустимым.

Целый ряд записей с жанровой природы представляют собой *афоризмы*, т.е. изречения, выражающие с предельной лаконичностью в отточенной форме какую-либо оригинальную мысль: «Пробовать писать должны тысячи, чтобы один стал писателем»; «Угнетай себя до гения»; «История выбирает неудачных исполнителей на роли своих апостолов»; «Когда человек быстро с тобой согласился, значит: или он очень слаб, или очень силен» [5. С. 281, 283, 285, 288] и др. Подобные записи радикально отличаются от других: бытовых, дневниковых или, например, таких: «В каждом рассказе должно быть что-то настоящее. <...>»; «Сел как-то и прочитал уйму молодежных газет <...>»; «Патриарх литературы русской – Лев Толстой. <...>» [5. С. 278–279, 283], которые, по сути, представляют собой небольшие эссе. Афористичность – одна из особенностей идиостилии не только Шукшина-писателя, но и Шукшина-кинорежиссера, что отмечалось еще С.А. Герасимовым.

Следует обратить внимание на то, что в числе рабочих записей Шукшина есть *цитаты* из поэтических творений известных русских поэтов: «А Русь все так же будет жить: плясать и плакать под забором!»<sup>4</sup>, а

также цитаты, дополненные авторскими словами: «Вот еще из откровений: “На свете счастья нет, а есть покой и воля”»<sup>5</sup>, «Самые великие слова в русской поэзии: “Восстань, пророк, и виждь, и внемли... Глаголом жги сердца людей!”»<sup>6</sup> [5. С. 290, 286, 283].

Итак, рабочие записи Шукшина неоднородны с точки зрения происхождения. Но образуют ли они единство «с жанровой (речепрагматической, функциональной) точки зрения», как утверждает П.С. Глушаков? Чтобы выяснить это, проведем анализ прагматического статуса высказывания рабочих записей. Обратимся к модели анализа, предложенной французским теоретиком литературных жанров Ж.-М. Шеффером [7. С. 82–115]. Согласно концепции Шеффера, любой акт речи приобретает четкое жанровое определение в отношении к пяти уровням жанровых факторов. Первые три уровня относятся к собственно прагматическому статусу акта речи, еще два – к его семантико-синтаксической реализации.

### **Прагматический статус акта речи:**

#### **1. Уровень высказывания:**

а) *статус субъекта высказывания* (реальный субъект высказывания / вымышленный субъект высказывания). По этому параметру рабочие записи Шукшина неоднородны. Большинство записей в качестве субъекта высказывания предполагают самого автора, т.е. *реальный субъект*. Однако есть, по крайней мере, одна рабочая запись, где субъект высказывания явно *вымышленный*, например: «“Не нам унывать!” – хрюкнула свинья, укладываясь в лужу» [5. С. 286];

б) *статус акта высказывания* (серьезный / фикциональный). Подавляющее большинство шукшинских записей подразумевают *серьезный* акт высказывания. Это прямое выражение авторских мыслей и чувств. Но есть записи, которые вполне претендуют на *фикциональный* статус акта высказывания: «Танка – штука сильная...» (см. выше) – здесь, как мы уже говорили, налицо мимесис, а значит, присутствует и художественное осмысление реальности. Кроме того, фикциональный статус имеет и такая запись: «Состоялся вечер парикмахеров. На вечере выступили Г. Бритиков и О. Стриженов. Своими воспоминаниями поделился И. Лысцов» [5. С. 291]. В данном случае фамилии с определенной семантикой корня, принадлежащие реальным (и притом известным) людям<sup>7</sup>, объединены с целью создания комического эффекта (аллюзия на пословицу «Хоть брито, хоть стрижено – всё голо») в рамках искусственно созданной сюжетной зарисовки, как подражание газетной заметке;

в) *средства осуществления акта высказывания* (письмо / устная речь). Жанровая номинация «рабочие записи», естественно, предполагает *письменную* форму.

#### **2. Уровень адресации:**

а) *статус адресата* (определенный / неопределенный адресат), (реальный / вымышленный). Все рабочие записи Шукшина предполагают *определенного, реального адресата*, которым является сам автор. В игровых же жанрах (т.е. имеющих отношение к художественной литературе) представлен, как правило, неопределенный адресат, который может быть и реальным, и вымышленным [7. С. 99–100];

б) *статус адресации* (рефлексивная / транзитивная). Подавляющее большинство шукшинских заметок

имеют *рефлексивную* адресацию (субъект высказывания обращается к самому себе), точнее *автоадресацию*. Вместе с тем по крайней мере 2 рабочие записи предполагают *транзитивную* адресацию (т.е. субъект высказывания обращается к третьему лицу). Это все то же «застольное обращение» Шукшина «Мы с вами распустили нацию...» и рабочая запись, которая полностью (с незначительными изменениями) вошла в статью В.М. Шукшина «О творчестве Василия Белова», написанную в 1970 г. (при жизни писателя не публиковалась) [5. С. 286]: «Непонятные, дикие, странные причины побуждают людей скрывать правду... И тем-то дороже они, люди, роднее, когда не притворяются, не выдумывают себя, не уползают от правды в сторону, не изворачиваются всю жизнь. Меня такие восхищают. Радуют».

### 3. Уровень функции:

На данном уровне учитываются связь с иллокутивными актами. Рабочие записи Шукшина представляют собой *ассертивы*, их большинство (например: «История выбирает неудачных исполнителей на роли своих апостолов» [5. С. 285], сюда же относятся все дневниковые записи и др.), *экспрессивы* (например: «Черт возьми! – в родной стране, как на чужбине», «Хочу написать двадцать книг. Чудак! Надо пять – хороших» [5. С. 291, 293] и др.), *директивы* (например: «Читайте, братцы Белинского. Читайте хоть тайно – ночами. Днем высказывайте его мысли, как свои, а ночами читайте его. Из него бы евангелие сделать!», «Восславим тех, кто перестал врать!», «Угнетай себя до гения» [5. С. 287, 284, 283] и др.).

### Осуществляемый акт речи:

#### 4. Семантический уровень:

а) *содержательные признаки* (сюжет, тема, мотив). Рабочие записи могут иметь и не иметь сюжет. Одна из записей явно представляет собой сюжетную зарисовку: «Сел как-то и прочитал уйму молодежных газет. И там много статей – про хулиганов и как с ними бороться. <...>» [5. С. 279]. С тематической стороны записи также неоднородны. Можно выделить, по крайней мере, следующие темы: «отечественная литература», «внутренний мир автора», «творчество», «социокультурная ситуация в стране». Прослеживаются и определенные мотивы, которые могут проявляться в рабочих записях разных тематических групп. Таковы мотивы *смерти* или *правды*. Мотив смерти, например, реализован в следующих рабочих записях: «Когда стану умирать, – скажу: “Фу-у, гадство, устал!” Не надо умирать»; «Я – сын, я – брат, я – отец... Сердце мясом приросло к жизни. Тяжко, больно – уходить»; «Рассказчик всю жизнь пишет один большой роман. И оценивают его потом, когда роман дописан и автор умер»; «Истинно свободен тот, кто не боится смерти» [5. С. 286, 278, 281, 291] и др. Мотив правды представлен в рабочих записях: «Ложь, ложь, ложь... Ложь – во спасение, ложь – во искупление вины, ложь – достижение цели, ложь – карьера, благополучие, ордена, квартира... Ложь! Вся Россия покрылась ложью как коростой»; «В рассказах В. Некрасова происходит то, что в них происходит, но в ваших-то, Марковы, Баруздины, совсем же ничего не происходит, потому-то все – ложь и беспомощность»; «Правда всегда немногословна. Ложь – да» [5. С. 290, 291, 292] и др.

б) *семантические ограничения* (есть / нет). В целом семантических ограничений рабочие записи Шукшина не имеют. Вместе с тем следует заметить, что известные на сегодня записи дневникового характера фиксируют лишь личные переживания Шукшина;

в) *буквальный / фигуральный статус семантической структуры*. С точки зрения данного жанрового фактора рабочие записи могут выражать буквальный смысл, например: «Когда человек быстро с тобой согласился, значит: или он очень слаб, или очень силен», «В ночь с 15 на 16 августа 1961 г. сон о Наташе и о маме. Опять сон о родных» [5. С. 288] и др. Некоторые рабочие записи выражают фигуральный смысл: «Восславим тех, кто перестал врать!», «А дустом пробовали?» [5. С. 284, 292] и др.

#### 5. Синтаксический уровень:

а) *грамматические факторы*: фонетические / просодические / метрические, стилистические признаки (есть / нет). Рабочие записи Шукшина не имеют особых признаков такого рода. Как мы видели, в число рабочих записей включаются наряду с прозаическими и стихотворные произведения. Явления стилистического характера (антитеза, градация и пр.), выявляемые в некоторых записях, характерны и для других жанров вне литературного творчества Шукшина (эпистолярный, публицистика, автобиографии);

б) *признаки макродискурсивной организации* (особые требования к жанру рабочих записей). Поскольку границы жанра нестабильны, то и особых признаков макродискурсивной организации рабочих записей как таковых нет. Следует заметить, однако, что издательская практика не включает в состав рабочих записей наброски художественных произведений В.М. Шукшина. Так, например, в сборнике «Тесно жить» наброски включены в особый раздел «Из архива В.М. Шукшина» [11. С. 443–458].

Проведенный анализ показал, что традиционно используемая номинация («рабочие записи») не отражает всей специфики произведений, обозначаемых данным жанровым именем, слишком узка, так как объединяет генетически различные записи: заметки Шукшина творческого и нетворческого характера, дневниковые записи, стихотворения, устные высказывания, цитаты. Рабочие записи разнятся по целому ряду жанровых факторов (статус субъекта высказывания, статус высказывания, статус адресации, связь с разными иллокутивными актами и т.д.) и не образуют единства. Являясь каждая по себе *текстом*, некоего единого текста рабочие записи не образуют.

Рассмотрим вариант отнесения шукшинских заметок к более емкому жанру *записные книжки писателя*. Данный жанр выделяется в творчестве А.П. Чехова, С.Д. Довлатова и других известных литераторов. С записными книжками Чехова шукшинские рабочие записи роднит чрезвычайная пестрота материала. А.П. Чехов заносил в записные книжки не только заготовки, наброски, замыслы рассказов, но и записи дневникового характера, адреса, названия книг, денежные расчеты. Чехов «никогда не относился к своей записной книжке, как к святилищу» [12. С. 7]. Некоторые литературоведы предлагают понимать данный жанр еще шире: «К записным книжкам следует добавить письма, записи на

отдельных листах, на оборотах рукописей, дневниковые записи» [13]. Заметим, что подобная концепция не имеет поддержки у большинства исследователей, более того, современная теория жанров не относит записные книжки к жанрам художественной литературы.

Тем не менее наряду с общими чертами рабочие записи Шукшина имеют ряд серьезных отличий от записных книжек. Во-первых, и А.П. Чехов, и С.Д. Довлатов целенаправленно *вели* свои записные книжки, периодически внося туда записи, которые хотели сохранить, при этом все собиралось и структурировалось самим автором. У Шукшина, как мы говорили, дело обстояло не так. Записи делались писателем с Алтая в разных тетрадях, случайно, где и как придется, без стремления сохранить их. Во-вторых, записные книжки могут изначально предполагать *транзитивную адресацию*, т.е. ориентироваться на последующую публикацию и в расчете на третье лицо, как это было с записными книжками Довлатова, изданными еще при жизни писателя [13]. Шукшинские записи в подавляющем большинстве для публикации не предназначались. В третьих, важнейшим содержательным компонентом, влияющим на жанровый

статус записных книжек, являются *наброски* к художественным произведениям писателя. Как мы уже говорили, в случае с творчеством В.М. Шукшина издательская практика привела к дифференциации рабочих записей и набросков к рассказам, которые относятся к материалам из архива В.М. Шукшина (см., например, [11. С. 443–458]). Свои наброски Шукшин, в отличие от записей, сохранял и, судя по авторскому предисловию к ним [Там же. С. 443], однажды хотел опубликовать. Таким образом, отнесение рабочих записей Шукшина к жанру записных книжек писателя также неадекватно отражает их жанровую сущность и может быть признано бесперспективным с точки зрения филологического анализа.

Подведем итоги.

1. Рабочие записи В.М. Шукшина представляют собой совокупность заметок с разнородным прагматическим статусом высказывания, что препятствует объединению их в пределах одного нехудожественного жанра с номинацией «рабочие записи» или «записные книжки».

2. В дальнейшем необходимо проведение комплексного жанрового анализа текстов рабочих записей с целью четкого определения их жанрового статуса.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Характерно, что термин взят авторами комментария в кавычки.

<sup>2</sup> В 1957–1958 гг. на съемках х/ф «Два Федора» (1958, реж. М. Хуциев, Одесская к/с) Шукшин вел рабочий дневник, анализ которого с позиции киноведения представлен в книге Л.Д. Ягунковой [10. С. 78–84].

<sup>3</sup> Китайский Владимир (1937–1961) – одноклассник В.М. Шукшина по ВГИКу, один из любимых студентов М.И. Ромма. Покончил жизнь самоубийством при невыясненных обстоятельствах.

<sup>4</sup> Слегка искаженные конечные строки стихотворения С.А. Есенина «Устал я жить в родном краю...» из сборника «Третьяков» (1920): «[...] А месяц будет плыть и плыть, / Роня весла по озерам, / И Русь все так же будет жить, / Плясать и плакать у забора».

<sup>5</sup> Из стихотворения А.С. Пушкина «Пора, мой друг, пора» (1834).

<sup>6</sup> Из стихотворения А.С. Пушкина «Пророк» (1826).

<sup>7</sup> Бритиков Григорий Иванович (1908–1982) – в 1955–1978 гг. директор к/с им. М. Горького; Стриженов Олег Александрович (р. 1929) – советский, российский актер театра и кино; Лысцов Иван Васильевич (1934–1994) – советский, российский поэт и публицист.

## ЛИТЕРАТУРА

1. *Творчество В.М. Шукшина*: энциклопедический словарь-справочник. Т. 3: Интерпретация художественных произведений В.М. Шукшина. Публицистика В.М. Шукшина / науч. ред. А.А. Чувакин ; ред.-сост. С.М. Козлова. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007.
2. *Шукшинская энциклопедия* / гл. ред. и сост. С.М. Козлова. Барнаул : [Б. и.], 2011.
3. *Глушаков П.С.* Очерки творчества В.М. Шукшина и Н.М. Рубцова: классическая традиция и поэтика. Рига : Rota, 2009.
4. *Шукшин В.М.* Вопросы самому себе : сб. / вступ. ст. Л.А. Аннинского ; коммент. Л.Н. Федосеевой-Шукшиной, Л.А. Аннинского. М. : Мол. гвардия, 1981.
5. *Шукшин В.М.* Собрание сочинений : в 8 т. / под общ. ред. О.Г. Левашовой. Т. 8: Публицистика. Статьи. Интервью. Беседы. Выступления. Письма. Рабочие записи. Автографы. Документы. Стихотворения / под ред. Д.В. Марьина. Барнаул : Издательский дом «Барнаул», 2009.
6. *Шукшин В.М.* Нравственность есть Правда : сб. / сост. Л.Н. Федосеева-Шукшина ; вступ. ст. Л.А. Аннинского ; коммент. Л.А. Аннинского; Л.Н. Федосеевой-Шукшиной. М. : Сов. Россия, 1979.
7. *Шеффер Ж.-М.* Что такое литературный жанр? М. : Едиториал УРСС, 2010.
8. *Марьин Д.В.* Письма, автобиографии и автографы В.М. Шукшина. Барнаул : Издательский дом «Барнаул», 2012.
9. *Шукшин В.М.* Я пришел дать вам волю : роман. Публицистика / общая подготовка и послесловие В. Горна ; коммент. Л. Аннинского и Л. Федосеевой-Шукшиной. Барнаул : Алт. кн. изд-во, 1991.
10. *Ягункова Л.Д.* Василий Шукшин. Земной праведник. М. : Эксмо, 2009.
11. *Шукшин В.М.* Тесно жить. М. : Зебра Е, 2006.
12. *Паперный З.С.* Записные книжки Чехова. М. : Сов. писатель, 1976.
13. *Симкин Я.Р.* Записные книжки писателей // *Relga* № 7 [109]. 23.05.2005. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwww.woa/wa/Main?textid=504&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 15.07.2012).

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 ноября 2012 г.